

Вундт В. О психической каузальности и принципе психофизического параллелизма¹

Wundt V. On mental causality and the principle of psychophysical parallelism

Лейпцигский Университет, Лейпциг, Германия

Многочисленные споры о том, какой должна быть научная психология и как именно нужно заниматься исследованиями в этой области, не утихают с момента зарождения самой этой дисциплины. Публикуемый текст классика психологической науки, В. Вундта, посвящен попытке обосновать психологическую науку как независимую и автономную научную дисциплину, несводимую к другим областям знания. Автор формулирует принципы, которые отличают психические явления от всех прочих, и обосновывает специфические черты психологической причинности по отношению к естественнонаучной. Раскрывая для психологической науки значение принципа подлинной активности явлений, принципа творческого синтеза и принципа относительного анализа, Вундт последовательно проводит антиредукционистскую логику рассуждений как на пути принципиального запрета подмены психологических описаний и объяснений физиологическими, так и в рамках решения проблемы психологического субъекта, который должен строиться из того же психологического материала, что и остальная психика.

Ключевые слова: В. Вундт, психическая каузальность, психофизический параллелизм, физическая каузальность, методология психологии, каузальное объяснение

¹ Wundt W. Über psychische Kausalität und das Prinzip des psychophysischen Parallelismus. Philosophische Studien, 1894, 10, p. 100-124. Сокращенный перевод с немецкого Н.И. Логинова.

К принципам, которые отличают психические явления во всём их многообразии и подчёркивают специфические черты психической каузальности по отношению к естественнонаучной, по моему мнению, стоит отнести: 1) Принцип подлинной активности (Actualität)² явлений, 2) Принцип творческого синтеза, 3) Принцип относительного анализа. Далее мне позволено раскрыть содержание каждого принципа с некоторыми комментариями.

1. Принцип подлинной активности явлений

В рамках этого принципа предполагается, что любое психическое содержание является процессом (актом). Психическое содержание не дано нам в виде константного объекта в пределах нашего непосредственного внутреннего переживания, как его должно полагать естествознание. Исходя из такой активной природы психических явлений, принцип психической каузальности должен быть принципом подлинной активной (actuell) каузальности. Поэтому в качестве причины отдельного [психического] явления может рассматриваться только какое-то другое явление или множество явлений без всякого участия константных объектов. Необходимость этого принципа становится ясной, благодаря требованию к любой науке об опыте, в которой как причиной, так и следствием выступает только содержание опыта.

Поскольку в области психического всё содержание опыта представлено в виде подлинных явлений, ясно, что только такие явления могут вступать в каузальные отношения. Там же, где определённые физиологические условия участвуют в психологических каузальных объяснениях (как, напр., в интерпретации чувственных восприятий), уже стоит говорить о физиологических, а не психологических объяснениях. Но последние можно получить и в этом случае, если ощущения рассматривать как элементы опыта и пытаться проследить связи, в которые они могут вступать друг с другом. Для того, чтобы понять, что такое «подлинное явление», необходимо абстрагироваться от психофизиологических отношений и принять подлинную психологическую перспективу, то есть представить простые элементы психических процессов как данное и пытаться искать ответы на вопросы о том, по каким законам эти элементы соединяются и как они действуют друг на друга в этих связях. Но если мы хотим психологически что-то объяснить, мы никогда не должны подменять психические процессы физиологиче-

² Активность (Actualität) – характеристика реальности, выражающаяся в существовании явления лишь в активной форме, в форме действия. Философское понятие активности предполагает, что реальность может существовать не только и не столько в субстанциональных формах, сколько в деятельностных (прим. переводчика).

скими и тем более не должны путать представление об объекте с самим представляемым объектом. Константность последнего люди привыкли переносить на сами представления, хотя они как психические акты являются хорошим примером подлинного явления, как и любой другой психических процесс.

Психические явления часто рассматривались с позиции субстанциональной каузальности, то есть как действие, если не относительно постоянной субстанции, то хотя бы относительно постоянного субъекта. При этом под субъектом понималась какая-то реальная, а не просто логическая сущность. Но реальный субъект – это психофизический индивид – носитель всех как психических, так и физических жизненных процессов. Поэтому для определения психической каузальности, как она есть без вмешательства физической каузальности, мы должны рассматривать духовную (*geistig*) сторону этого индивида точно так же, как физиология для определения чисто физиологических законов учитывает только телесного (*körperlich*) индивида. В обоих случаях это абстракция. Но это полезная абстракция как для психологии, так и для физиологии, так как различные каузальные формы, которые встречаются в реальном психофизическом индивиде, могут быть ясно поняты только на основе подобных себе. Поэтому с того момента, когда речь пойдет о психической каузальности, мы справедливо уделяем особое внимание духовной стороне индивида.

Субъект всех психических явлений является психическим индивидом со всеми его реальными свойствами, и они даны лишь в совокупности всех переживаний. Сам психический индивид есть не что иное, как связь этих переживаний, которая также дана нам и в то же время необходима для осмысления каждого отдельного психического явления. Психический индивид, или душа (если мы хотим сохранить старое наименование) – это связь психических явлений. Причём отдельное содержание явления и его связь с другим содержанием обусловлены таким образом, что явление не может существовать без этой связи, равно как и связь без явления.

Эта непосредственно воспринимаемая связь не исключает размыканий, потому что это не простое присоединение одного явления к другому без временных разрывов. Время здесь понимается как форма представлений, которая возникает при определённых условиях психических явлений и по своей природе постоянно зависит от смены этих условий. Таким образом, непрерывность восприятия времени не может выступать условием связи между психическими явлениями. Скорее, сущность такой связи проявляется в том, что каждое новое явление вступает в какие-либо связи с одновременно с ним возникающими и предшествующими явлениями.

Поэтому каждое явление частично напрямую, частично косвенно связано с каждым другим явлением того же психического индивида. Только при определённых условиях эти связи дают нашим представлениям характеристику непрерывного потока времени. Последнее невозможно было бы без существования связи между психическими элементами, но нельзя, наоборот, сказать, что всякая психическая связь должна принимать форму восприятия времени. Подобно тому, как время связано с последовательностью связанных психических явлений, пространство связано с одновременно возникающими психическими явлениями. Как бы пространство ни было важно для соединения множества психических явлений в одно единовременное целое, психические явления должны обладать определёнными условиями для возникновения пространственного порядка.

Другое важное свойство психической каузальности касается непрерывной связи явлений, посредством которой в своей очень небольшой части прямо, но в большинстве случаев косвенно связаны друг с другом все психические переживания индивида. Ближайшими и определяющими причинами отдельного явления совершенно не должны быть явления, непосредственно предшествующие ему во времени, они могут быть локализованы во времени как угодно по отношению к нему. Как близкие друг к другу явления, так и отдалённые одинаково могут быть частью одной связи, и в определённый момент времени каждая из частей может стать актуальной. Принцип временной последовательности причины и следствия понимается здесь лишь в том смысле, что явление-причина должно иметь место, если должно произойти явление-следствие. Вероятно, именно этот факт обычно склоняет философов к предположению, что психическая каузальность возможна только для психического индивида в целом. Но, по правде говоря, никогда нельзя говорить о полном следствии, которое включало бы в себя все предыдущие переживания как причины.

Правда, следует признать, что суммарный эффект причин, косвенно связанных с явлением и действующих в качестве ближайшей причины, обычно намного больше, чем в случае физической каузальности. Но эти причины всегда составляют лишь ничтожно малую часть всей совокупности предыдущих переживаний. Вот почему каждая реальная интерпретация психических процессов, если подобное вообще можно назвать интерпретацией, никогда не прослеживает конкретное явление до целого индивида, что вообще ничего не значило бы из-за бесконечного разнообразия предыдущих переживаний, но вместо этого прослеживает определённый компонент этой общей связи. Однако здесь стоит учесть два момента, которые усложняют психологическое каузальное объяснение.

Во-первых, каждый психический индивид обладает, так называемыми установками (Anlage), которые во многих случаях определяют особую эффективность отдельных психических причин; и, во-вторых, границу между более близкими и отдалёнными причинами конкретного явления провести здесь гораздо труднее, чем в физической сфере, так что в большинстве случаев более сложной психической каузальности мы можем лишь очень расплывчато указать на действительно решающие причины.

Существование и важную роль подобных установок нет смысла отрицать, но также стоит обозначить, что они могут рассматриваться только как отдалённые, а не непосредственные причины. Возьмём, к примеру, самую трудную область, связанную со сложными волевыми действиями человека. Преступное действие может быть в девяти случаях из десяти частично обусловлено исходными установками человека, но установка не может сама произвести действие так же, как и Земля сама по себе не может привести к падению тела без дополнительных сил, воздействующих на это тело. Однако есть существенная разница между подобными установками и постоянными условиями природных явлений. Эти установки, даже в случае одинаковых дополнительных причин, могут действовать по-разному и подвергаться изменениям в результате действия дополнительных причин. Установки стоит рассматривать не как константы, а как изменчивые условия, которые модифицируют действие дополнительных причин и модифицируются в результате возникновения новых психических явлений.

Соответственно, если и эти изменчивые установки не могут лишить психическую каузальность ее активного характера, то это, конечно, еще в меньшей степени относится к тем сложным продуктам многих отдельных предшествующих явлений, которые мы обозначаем как приобретенные установки. В качестве собирательного термина приобретённые установки могут быть полезны для практической психологической интерпретации. Но ни в коем случае нельзя верить в то, что это превращает самого действующего индивида в постоянного субъекта, который неизменно подвергается различным влияниям. Фактически, практическая психология обязана учитывать эту изменчивость относительно регулярно действующих психологических состояний. Таким образом, утверждение о постоянном субъекте как о постоянной причине всех индивидуальных психических явлений представляется чистой выдумкой, которая никогда и нигде не фиксируется там, где действительно предпринимаются попытки каузально объяснить психические процессы. В любой каузально-психологической интерпрета-

ции, если она проникает немного глубже, действующий субъект является не постоянным условием, а суммой причин и условий, первые из которых связаны с психическими явлениями, а вторые – с постоянно изменяющимися установками. Кроме того, в отношении этих установок всегда встаёт вопрос об их развитии, ответ на который снова может состоять только из производных от индивидуальных действующих психологических причин, а также отдельных психических явлений и, возможно, от предшествующих установок. Поскольку в отношении последних возникает аналогичный вопрос, этот процесс закончится только полным разложением всей психической причинно-следственной цепочки на чистые действующие психические процессы. Другими словами, каждое психологическое каузальное объяснение предполагает относительно строгие понятия, но его конечная цель всегда – полное разложение всех условий в виде последовательности явлений в соответствии с принципом подлинной психической каузальности.

Очевидно, что указанные моменты очерчивают своеобразные трудности, связанные с психологическим каузальным объяснением. Частично они проистекают из многообразия причин, связанных с определенным следствием, в том числе из того, что причины, отдаленные друг от друга во времени, могут быть одинаково значимыми; частично они проистекают из запутанного взаимодействия фактических или актуальных причин и более отдаленных условий.

Только в простейших случаях, когда психические явления почти так же однородны, как некоторые простые естественнонаучные явления (например, при формировании чувственных восприятий, при возникновении индивидуальных инстинктивных актов), как только обнаружены элементы психических процессов, каузальное объяснение больше не столкнётся со значительными трудностями. С другой стороны, в других особенно важных случаях (сложных волевых действий, высших интеллектуальных процессов), объяснение превращается в задачу, которая никогда не будет выполнена [целиком], которую даже с наилучшей психологической интерпретацией, всегда нужно рассматривать как ограниченную одной перспективой и опирающуюся на условно конечные причины. Однако каким бы ни было такое исследование, для определения концептуальной границы между причинами и условиями в рамках психологической сферы мы рассматриваем психологические причины как основания явлений, которые сами по себе являются [сознательными] событиями, в то время как психологические условия – это те состояния, которые мы называем врожденными или приобретенными установками. Однако как только такие установки сами подвергаются более тщательному изучению, то в качестве

психологических причин таких установок снова обнаруживаются только психические процессы.

В этих характеристиках и кроются отличительные черты психической и физической каузальности. Физическая каузальность также начинается с понятия явления, потому что там, где нет изменений, не может возникнуть вопрос о причинно-следственной связи. Но в то же время здесь каждой причине соответствуют условия, которые связаны с конкретными неизменными физическими объектами. Эти условия включены в каждое каузальное уравнение и делают возможными только устойчивые отношения между причинами и следствиями, то есть позволяют описывать казуальные уравнения в целом. Эта субстанциальная каузальность в то же время требует пространственно-временной связи причин и следствий, которая предполагается непосредственно в базовых каузальных уравнениях (уравнениях силы и преобразования) и опосредованно в уравнениях состояний, поскольку они включают в себя молчаливое допущение о промежуточных процессах, которые, в свою очередь, могут быть описаны уравнениями силы или трансформации и через которые осуществляется непрерывный переход от первого состояния ко второму. Но психическая каузальность отличается от этого. В этом случае причины – это, прежде всего, чистые явления, не привязанные к объектам: нет психических объектов как постоянных носителей явлений. Как только от психической каузальной последовательности мы возвращаемся к объекту, с которым мы считаем её связанной, такой объект может быть только физическим и является лишь частью физической каузальной цепочки. Причём, в соответствии с принципом параллелизма, объект может быть связан психической каузальностью, но не может быть её частью. С другой стороны, в психической каузальной последовательности мы встречаемся только с изменчивыми состояниями, которые сами в конечном итоге бросают вызов каузальному анализу последовательности явлений. Наконец, в качестве последнего решающего признака существует связь, которая одинаково связывает ближнее и дальнее, так что при определенных обстоятельствах более отдаленная причина может быть более действенной, чем недавняя.

Наиболее очевидное внешнее различие между этими условиями и физической каузальностью, а именно невозможность когда-либо представить каузальную связь такого рода в форме каузальных уравнений, по существу, основано на изменчивости тех условий, которые входят в психическую каузальность. Именно характер чистой активной природы явления исключает возможность возникновения здесь таких уравнений. Тем более что в том, что касается фунда-

ментальных различий между субъективным и объективным опытом, психическая каузальность превосходит физическую. В области физического мы можем прийти к окончательной причинно-следственной связи только через серию выводов, которые она добавляет к непосредственному содержанию восприятия, открытие же психологических причин – это работа прямого психологического анализа содержания сознания. Гипотезы могут относиться только к тому, как эти элементы связаны, но, строго говоря, не касаются самих решающих элементов, или, по крайней мере, касаются их только на предварительной стадии этого анализа. Потому что окончательными факторами психической каузальности остаются непосредственные факты сознания, а не какие-то гипотетические силы или субстанции, которые предполагаются на основе анализа. В этом причина значительной разницы в форме причинно-следственных связей в обеих областях. В психической сфере сама каузальная связь задается во внутреннем восприятии, и поэтому в то же время она связана с сознанием, которое прямо или косвенно связывает каждое индивидуальное содержание со всем остальным. С другой стороны, в случае физической каузальности связь между причиной и следствием всегда является понятийной. В восприятии два элемента причинно-следственной связи образуют отдельные переживания (*disjuncta membra*), для которых в отдельных случаях связь, конечно, предполагает восприятие, но в других требуется длительная концептуальная переработка наблюдений. Таким образом, в обоих случаях связь остается актом логического синтеза: то, что находится в пространственной и временной близости, можно рассматривать как не связанное каузально, и, наоборот, то, что не связано в восприятии, можно понимать как каузально связанное. Так, концепция силы притяжения, которая каузально связывает Солнце и Землю, является таким же хорошим продуктом логического синтеза, как и концепция силы удара, которая осуществляет ту же связь для двух соприкасающихся тел. Ибо нигде не может быть обнаружена немедленная, явная потребность тела в перемещении толкаемого тела: эта потребность возникает только из концептуального связывания и обработки опыта. Напротив, возникновение чувственного восприятия из его простых чувственных элементов, волевого акта – из его мотивов, является каузальной связью, для которой нам даже не нужно искать связи в терминах концепций, потому что мы сами непосредственно воспринимаем это содержание в контексте наших внутренних процессов как причинно-следственную связь. Если возникают сомнения в правильности данной каузальной интерпретации – а они, безусловно, могут возникать и здесь, – то они относятся не к целесообразности используемых пояснительных средств, вспомогательных терминов и вспомогательных гипотез, а к фактическим вопросам, которые должны быть решены путем более тщательного исследования, оснащенного лучшими вспомогательными средствами. В отсут-

ствии же таких средств решение этих вопросов закончится неудачей из-за сложности процессов. Мы можем кратко резюмировать это в следующем предложении: вся психическая каузальность является наглядной, вся физическая каузальность является понятийной.

Это означает, что психическая каузальность может рассматриваться как более базовая, а физическая как производная, что в целом подтверждается психологическим развитием каузальных концепций. Из нашего внутреннего восприятия мы знаем, что нечто, данное нам в восприятии, должно быть тесно связано с причинами и следствиями. Но для внешнего опыта, рассматриваемого независимо от субъекта, о причинах и следствиях можно узнать только концептуально, также как понятие внешнего объекта приводит нас к выводу о том, что это понятие должно быть связано с содержанием, которое основывается на наглядно данном объекте, но само по себе ненаглядно, а может быть определено только логически, то есть в соответствии с определенными чисто понятийными требованиями. Теперь, когда мы определили, что и понятийные, и перцептивные формы одинаково неизбежны для нашего познания, стоит снова указать на то, что мы не должны рассматривать как исключительную ни одну из этих двух каузальных форм, которые не конфликтуют, а дополняют друг друга. Но там, где мы должны определить их специфические характеристики, мы должны использовать абстракцию, которая воспроизводит реальность только с одной точки зрения и, следовательно, не полностью. Абстракция физической каузальности должна дополнять психологическую в области психофизических явлений, чтобы достраивать опыт до целого, а также, чтобы помнить об особых границах и условиях физической концепции каузальности, которые в то же время применимы к метафизическому рассмотрению вещей и дают мотив гипотетического дополнения понятия объективной реальности. В не меньшей степени абстракция психической каузальности нуждается в физическом дополнении, поскольку субъектом всего психологического опыта является психофизический индивид, в котором сочетаются обе каузальности или, как мы, вероятно, лучше выразимся, в котором встречаются и взаимно переплетаются эти две связанные стороны одной каузальности.

Поскольку связь причин и следствий в психологической области является непосредственной и наглядной, она тесно связана с той устойчивостью психических явлений, которая позволяет нам понимать их как связанные между собой. Но эту связь можно рассматривать как условие, а можно – как следствие психической каузальности. Ибо, если бы её не было, для нас было бы невозможно непосредственно осознать цепочку психических причин и следствий. С другой

стороны, связь между психическими явлениями была бы невозможна без этого осознания. Однако это не исключает того, что в результате психофизических отношений, которые связаны с вмешательством физической каузальности посредством обычного восприятия, возникают новые содержания сознания, которые не мотивированы одновременными и предшествующими внутренними процессами. Но, включаясь в контекст психологического процесса и становясь его частью, они просто указывают на то, что каузальность индивидуального сознания не является замкнутой и, следовательно, может обладать только относительной полнотой. Между прочим, это обстоятельство ничем не отличается от физической каузальности, в которой относительно независимые и замкнутые системы возникают путём довольно произвольного выделения их из безграничной каузальности природы. Но, конечно, существуют и различия между этими каузальностями. В частности, связь в психической каузальной последовательности приобретает свой особый характер из-за того факта, что она привязана к границам индивидуального сознания, но эти границы оказываются только относительными, поскольку являются проницаемыми для психофизических взаимодействий с внешним миром.

В этой связи психических процессов, являющейся как условием, так и следствием психической каузальности, и состоит фундаментальный факт индивидуального сознания, который психология привыкла называть единством сознания. К тому же это единство относится к самому сознанию, под которым мы понимаем непосредственную данность наших внутренних переживаний, а также связь психических явлений с психической каузальностью. Они взаимозависимы, так что, с психологической точки зрения, нельзя рассматривать ни сознание без единства его состояний, ни последнее без сознания. Однако в соответствии с фактами внутреннего опыта единство сознания представлено двояко: во-первых, это одновременное единство процессов сознания, происходящих в данный момент, и, во-вторых, непрерывная связь идущих друг за другом процессов сознания. Соответственно, психическая каузальность также проявляется двояким образом: как каузальная связь одновременно данных содержаний, или как психическое взаимодействие, и как каузальная связь предшествующего, в разной степени отделенного во времени от последующих явлений, или как психическая последовательность. Взаимодействие предпочтительнее в более простых процессах, а последовательность – в более сложных. Например, первое встречается в сенсорных процессах и чувствах, а второе – в волевых актах и интеллектуальных процессах.

В том, как связаны состояния и процессы, возникающие как одновременно, так и последова-

тельно, с единством сознания, уже проявляется следующий чрезвычайно важный для психической каузальности принцип, который отделяет ее от физической каузальности не меньше, чем принцип подлинной активности явлений.

2. Принцип творческого синтеза

Под этим я понимаю тот факт, что психические элементы за счёт каузальных взаимодействий и каузальных последовательностей создают связи, которые, конечно, могут быть объяснены, исходя из их компонентов, но, тем не менее, обладают новыми качественными свойствами, которые не содержатся в элементах. В частности, к этим новым свойствам прилагаются особые определения ценности, которые заранее не сформированы в элементах. Поскольку во всех подобных случаях психический синтез производит нечто новое, я называю его творческим. Этот принцип также проявляется во всех психических причинно-следственных связях: он сопровождает духовное развитие от самых первых до наиболее совершенных стадий. В этом принципе скрыто фундаментальное соответствие психических процессов друг другу. Различия между низшими и высшими процессами, чувственными и интеллектуальными функциями, а также теми, которые зависят от памяти, воображения, рассудка и т.д. имеют второстепенное значение, поскольку они не связаны с общей природой каузальных процессов, а только с определенными различиями в результатах этих процессов. В его простейшей форме и, следовательно, наиболее ясной и убедительной для тех, кто понимает психические связи, мы сталкиваемся с работой этого принципа в простом чувственном восприятии. Каждое восприятие можно разбить на элементарные ощущения, но это никогда не бывает просто суммой этих ощущений; скорее, из их комбинации возникает нечто новое с особыми характеристиками, которые не содержались в ощущениях.

Таким образом, из множества световых впечатлений мы составляем представление о пространственной форме (Gestalt). Какую бы из различных теорий о происхождении поля зрения мы ни рассматривали, ни один даже самый смелый нативизм, не может игнорировать творческий синтез ощущений. Ведь если даже предположить, что идея о единой точке в пространстве является чем-то изначальным, то только через хитрость, благодаря которой неявно представляется уже продукт этого синтеза. Можно ли считать в таком случае, что связь ощущений в восприятии пространства дана изначальным? И как ещё, как не через процесс психического синтеза, можно объяснить так сильно изменяющуюся в зависимости от различных психологических мотивов организацию поля зрения, а также меняющиеся характеристики телесных представлений, связанные с перемещением на разные расстояния в пространстве?

Как бы ни хотела физиология облегчить бремя психологии, всегда остается одно: соединение разнообразных впечатлений в единое целое является актом нашего сознания. И как бы мы ни относились к пространству как к форме связи вещей, реально существующей вне нас, для нас оно существует только через наше восприятие. Независимо от того, рассматривается ли это как нечто порождающее или просто воспроизводящее, оно всегда остается творческим по отношению к сумме ощущений, которая является субстратом акта восприятия. Каждая теория должна признать это, если она не хочет бездумно игнорировать тот неопровержимый факт, что каждое обобщение в сознании является психическим актом. По моему мнению, генетическая теория восприятия имеет преимущество в том, что она сначала стремится понять процесс восприятия из того же самого принципа, который отсутствует у других. Этот принцип является логическим преимуществом, к которому затем добавляются еще определенные эмпирические доказательства, по отношению к которым нативистские теории запутываются в неразрешимых противоречиях. В частности, мне кажется, что теория комплексных локальных знаков ясно дает понять существенную особенность всех этих синтезов, согласно которой элементы целого и их связи отвечают за свойства итогового перцептивного представления. Однако для тех, кому это представление неизвестно, было бы так же невозможно вывести его из тех его психологических условий, как и для того, кто еще не почувствовал цвета, извлекать субъективное качество ощущения из световых колебаний.

Как и в случае пространственного синтеза, так обстоит дело со всеми другими способами объединения ощущений в единые идеи. Это происходит независимо от того, насколько объективные отношения звуковых колебаний кажутся нам условиями возникновения консонанса и диссонанса, гармонии и дисгармонии звуков. Любое объединение само по себе является продуктами с точки зрения их представления, а также их сенсорных компонентов, к которым в результате творческого синтеза присоединяются новые свойства. То же самое относится и к нашим временным формам взаимосвязи ощущений: метрическому и ритмическому порядку. Только когда мы проясним себе, как этот принцип творческого синтеза используется в простейшем восприятии, мы сможем также понять высшие психические образы, продукты интеллектуальных функций, с той же точки зрения. Они больше не выглядят как продукты, совершенно несопоставимые с низшими психическими функциями, а скорее, как более сложные проявления простейших психических процессов. Таким образом, если кто-то не хочет останавливаться на поверхностных и бессмысленных характеристиках, эти свойства следует рассматривать как особенность всей творческой деятельности, которая исходит из единых общих

представлений, сформированных в соответствии с интеллектуальными мотивами, простирающимися в самые разные области психической жизни. Такие общие представления, поскольку они лежат в основе любой художественной деятельности, представляют собой творческие синтезы, которые формируются в сложных условиях и в которых участвуют более ранние содержания сознания. То же самое относится к общим идеям, концепциям, которые возникают в соответствии с логическими мотивами.

Принцип творческого синтеза также содержит важную отличительную черту между психической и физической каузальностью. Качество физического воздействия всегда полностью предопределено с точки зрения его причин. Это очевидно из причинно-следственных уравнений, в которых описываются отношения между ними. Таким образом, два члена уравнения силы даны непосредственно как аналогичные величины или количественные функции: так что здесь, в соответствии с менее общими условиями действия силы, каждый отдельный результат может быть предопределен. Однако в уравнениях трансформации такое качественное подобие элементов устанавливается только на основе тех гипотетических допущений, которые в смысле механического взгляда на природу рассматривают все естественные процессы (Naturvorgänge) как процессы движения. Если оставить эти уравнения в их первоначальном значении, они содержат фиксированные количественные отношения между качественно различными процессами. Но поскольку за исключением некоторых особых условий обратная трансформация процессов возможна в тех же количественных пропорциях, то и здесь различные естественные процессы обнаруживают себя равноценными. То же самое, очевидно, применимо к отношениям, выраженным в уравнениях состояния, которые, как отмечалось ранее, выбирают из непрерывной последовательности причин и следствий только далекие друг от друга элементы. Поскольку, напротив, продукт каждого психического синтеза содержит новые свойства с новыми определениями ценностей, это объясняет то, что в индивидуальной душевной жизни возникает прогрессивное психологическое развитие. Это соединение творческих синтезов в прогрессивную последовательность я обозначил в другом месте (в отличие от закона постоянства физической энергии) как принцип роста духовной энергии и в то же время я указал, что он тесно связан с другим принципом, свойственным всем духовным достижениям – принципом гетерогенности целей. Используя выражение «рост энергии», не следует забывать, что, если мы обозначим величину какой-либо психической ценности как ее энергию, с учетом связанной с ней способности порождать следствия, духовную энергию [в разные моменты времени] мы можем сравнивать лишь в общих чертах, поскольку здесь невозможно точное количественное измерение (как отмечалось выше, определение констант в духовном

царстве исключено природой психической каузальности).

Наконец, в отношении обсуждаемых различий физической и психической каузальности стоит сказать, что в области физического каузальное объяснение строится прогрессивно от причин к следствию, тогда как в психологической области оно изначально только регрессивно. То есть для известных следствий можно искать причины и условия, которые делают их понятными для нас. Таким образом, в физической сфере даже в более простых случаях следствия могут быть предсказаны на основе комбинаций причин, которые никогда не наблюдались вместе. В психической сфере подобное невозможно даже в простейших случаях, хотя здесь такое предсказание может быть сделано для однотипных случаев. Однако данное обстоятельство исключено для всех более сложных психических процессов. Это принципиальное различие чрезвычайно важно для всего диапазона гуманитарных наук и их методологии. Такая особенность тесно связана с огромным значением, которое имеет для гуманитарных наук оценка целей. Для неё характерно то, что она меняет отношения между причинно-следственными связями, задавая вопрос – какими должны быть причины для достижения намеченного результата. Но регрессивное психологическое каузальное объяснение само по себе никоим образом не может ответить на этот вопрос, потому что объяснение можно осуществить, не обращаясь к понятию цели вообще. Действительно, при решении всех теоретических проблем в первую очередь требуется это чисто регрессивное причинно-следственное объяснение. Только формирование интеллектуальных продуктов, которые указывают на сознательное, целенаправленное действие, в котором происходит выбор между различными возможными мотивами, делает фактическое рассмотрение цели вызовом.

3. Принцип относительного анализа

Целостная природа образов, порождаемых творческим психическим синтезом, отчетливо проявляется в разделении этих структур на отдельные компоненты. Это деление не всегда происходит так, что части, отделенные от целого, становятся самостоятельными единицами, но всегда таким образом, что они остаются в отношении к целому, из которого они возникли, и, благодаря этим продолжающимся отношениям, получают свой собственный смысл. Подобно принципу творческого синтеза, которому он является дополнительным аналогом, относительный анализ также возникает на всех стадиях психического развития.

В рамках процессов восприятия он состоит в выделении ограниченной части связного целого. Подобно синтезу целого из его элементов, это разделение представления на составные части

происходит главным образом в результате определенных внешних причин: части пространственного образа разделяются, например, в результате движения, различного распределения света и цвета и т.д. Но эти причины всегда похожи больше на повод, чем на нечто убедительное и основополагающее. В дополнение к ним существует субъективное условие, в соответствии с которым наше сознание последовательно выделяет единицы из общего. Эту особую функцию сознания, без которой отделение и дифференциация индивида от совокупности ощущений было бы невозможно, мы называем апперцепцией. Частично апперцепция зависит от непосредственного состояния сознания (например, от внешних впечатлений и следующих ассоциаций, вызванных ими), отчасти – от условий, которые связаны с прошлым опытом и которые возникли в результате всего предыдущего развития сознания. Подобно тому, как сознание – это полное единство, содержание апперцепции – это особое единство, которое отличается от первого и которому мы приписываем ясность и отчетливость в зависимости от чёткости границ и степени выделения компонента по отношению к другим компонентам. Как и в случае предпочтения определенных одновременно данных частей одного впечатления, апперцепция продолжает действовать и во временной последовательности психических явлений. Она структурирует впечатления во временном ряду, выделяя одни больше, чем другие, создавая таким образом ритмическую структуру временного процесса, а также соединение последовательных элементов в сложное целое. Наконец, в соответствии с интеллектуальными мотивами, возникающими в результате общего развития сознания, те общие идеи, которые образуют отправную точку так называемой фантазии и интеллектуальной деятельности, структурируются путем последовательного акцента на их компонентах, в результате чего не только сам процесс предстает в более ясном свете, но и может также привести к ассоциативной цепочке представлений, включающих вторичные компоненты.

Во всех этих случаях апперцептивное выделение – это не формальное разделение на изолированные части, а органическое, поскольку часть всегда сохраняет свое отношение к целому. Точно так же на всех стадиях развития апперцепция является функцией единства в том смысле, что полному единству сознания в данном сознательном акте всегда противостоит только одна особая единица, подчеркнутая апперцепцией. В психологическом развитии каждого произведения искусства и в психологических законах мыслительной деятельности, заложенных в языке, это единство апперцепции находит свое ясное выражение, так же как и принцип относительного анализа, тесно связанный с ним. Тот, кто хочет рассматривать законы формирования понятий и суждений или художественного воображения как нечто, не имеющее ничего общего с психологией, так как это предмет логики и эстетики, должен, по крайней

мере, попытаться разобраться в некоторых наблюдениях, от которых абстрагируются логика и эстетика, потому что они связаны с психологическим способом возникновения мысли. Например, понимание говорящим мысли в общих чертах, которую он хочет выразить, понимание художником своего произведения в целом, прежде чем он думает о его отдельных частях. Как иначе можно было бы закончить даже не очень сложное предложение, если в начале никто не знал, как оно будет развиваться в деталях? Конечно, психологии и психофизике предстоит решить бесчисленное множество проблем, в которых первоначально важен только тщательный анализ фактов; и они не должны сразу рассматривать все вещи как «sub specie aeternitatis». Но их главной задачей всегда будет научиться понимать связь духовной жизни со всеми её составными частями. Именно функция анализа отношений открывает нам формы этой связи. Выделение отдельных содержаний сознания из множества одновременно и последовательно данных, чтобы потом связать их, готовит тот систематический, логический анализ наших внутренних переживаний, который сравнивает их по причинам и следствиям, мотивам и целям. Такой анализ был бы невозможен, если бы соответствующие психологические процессы анализа уже не были частью естественных продуктов психических явлений. Общий принцип связи причины и следствия вместе с принципами тождества и противоречия, которые неразрывно соединены с ним и которые являются решающими для всех сопоставлений и отношений психических содержаний, выступает как каузальный принцип психических процессов. Однако не следует забывать, что эти принципы являются абстрактными формами, оторванными от реальности внутренних переживаний, которые в непосредственном содержании сознания имеют вид индивидуальных представлений, следствия из активности которых постоянно обусловлены внешними физическими воздействиями, чувственными впечатлениями и исходящими от них ассоциативными возбуждениями. Психология поэтому должна исследовать эти идеальные формы не как таковые, а в их связи с совокупностью психофизических состояний сознания и, следовательно, в их реальном значении для развития психической жизни. Из этого следует, что требуется постоянное согласование психических и физических причинно-следственных связей. Чем сложнее каузальный анализ даже простых психических процессов, тем необходимее, чтобы посредством введения экспериментального метода были созданы приблизительно постоянные или произвольно повторяющиеся условия для изучения процессов индивидуального сознания. Как часто утверждают, запутанность психического процесса исключает экспериментальный метод. Наоборот, она делает его еще более насущным в пределах его естественного применения.

Но может ли этот новый тип психологических исследований, помимо решения узкого круга

психологических задач, воздающего должное профессии психолога, предложить гуманитарным наукам общую основу? Я думаю, что этот вопрос в основном идентичен другому: способно ли подобное направление исследований продвинуть саму психологию? Для тех, кто стремится исследовать духовную жизнь, как она впервые зарождается в индивидуальном сознании, несомненно, полезны гуманитарные науки: филология, история, теория искусства с их особыми интерпретациями духовных процессов и духовных продуктов. Метод, который ничего не вносит в эту конечную задачу психологии, не может дать ничего, о чем стоит упомянуть, и для нее самой. Я склонен очень скромно оценивать помощь, которую до сих пор получали гуманитарные науки от психологии. Выдающиеся историки, экономисты, юристы – они пробились и, насколько я понимаю, до сих пор помогают друг другу посредством того, с чем каждый образованный человек должен справляться без специального изучения научной психологии: посредством общего жизненного опыта и общей истории духовных устремлений. Или, если юрист или лингвист когда-либо обратится к одной из жизнеспособных психологических систем (таких как теоретическая система Гербарта), я не могу представить, что он сможет получить от них какую-либо помощь в решении своих специальных научных задач. Таким образом, если экспериментальная психология не сможет оказать глубокого влияния на гуманитарные науки, она вряд ли в этом уступит предыдущим психологическим направлениям. Но так как она стремится поставить психологическую науку на более прочную основу, надеясь получить более надежные ответы посредством экспериментального совершенствования наблюдения, разумно ожидать, что по этому пути можно будет пройти немного дальше. Есть ли у этой надежды шанс сбыться? В зависимости от поставленной перед экспериментом задачи ответ будет разным. Материалистическая психология, которая видит задачу демонстрации зависимости психического от физиологических процессов, конечно, не может придать психологии никакого значения для гуманитарных наук, если последние также постепенно не сольются с расширенной физиологической наукой будущего. Я уже отмечал, что вижу здесь цель экспериментального метода в совершенствовании наблюдения посредством произвольного повторения, постоянного поддержания и изменения необходимых условий. В таком случае услуга, которую он может оказать, состоит в совершенствовании внутреннего наблюдения. Достигло ли такое понимание экспериментального самоанализа своей цели? И на этот вопрос нельзя дать общего ответа, потому что, учитывая незавершенность нашей науки, до сих пор нет общей психологии даже в экспериментальном направлении. Кто-то видит свою главную задачу в физиологическом исследовании, кто-то хотя бы в психофизических методах и т.п. При таком конфликте мнений, все еще неуверенно нащупывая путь, человек всегда будет в состоянии сказать только то, что он обязан новому методу новыми взглядами и идеями.

Если бы меня спросили, в чем для меня была и остается психологическая ценность экспериментального наблюдения, я бы ответил, что оно привело меня к совершенно новому восприятию природы и связи психических процессов и неуклонно укрепляло такое восприятие. Когда я впервые подошел к психологическим проблемам, я разделял общее предубеждение, которое популярно в физиологии, что формирование чувств – это всего лишь работа физиологических свойств наших органов чувств. Сначала я научился улавливать в результатах зрительного восприятия тот акт творческого синтеза, который постепенно стал для меня проводником, чтобы получить психологическое понимание развития высших способностей воображения и разума; здесь никак нельзя было ожидать помощи от старой психологии. Затем, когда я подошел к изучению временных отношений между представлениями, мне открылось новое понимание развития волевых функций (внешнее из внутреннего, составное из простого), понимание тесной связи всех психических функций, разделённых такими искусственными абстракциями и названиями, как представление, чувство, желание, понимание неделимости психического на всех его ступенях внутренней духовной жизни. Хронометрическое исследование процессов ассоциации, которое привлекло внимание к взаимосвязи между перцептивными образами и образами памяти, наконец, научило меня распознавать концепцию «воспроизводимых» идей как один из тех многих самообманов, которые выражаются в фиксированных формулировках, а затем продолжают и повторяются, заменяя реальность несуществующей иллюзией. Я научился понимать «представление» как процесс, который не менее изменчив и преходящ, чем акт чувства или воли, и я понял, что в результате этого старая теория ассоциации перестала быть жизнеспособной, что она была сделана на основе предположений о связи между ощущениями, которые должны быть заменены точкой зрения о постоянных переходах и близких отношениях последовательных и одновременных ассоциаций. Наиболее важным для меня результатом этих новых представлений стало понимание тех общих принципов психической каузальности, формулировку которых я попытался дать выше.

Кроме того, экспериментальные исследования выявили и многие другие вещи, например, более конкретные и, как мне кажется, более определенные представления об объёме сознания, об абсолютной продолжительности определенных процессов, более точные значения для определенных психофизических отношений и т.д. Но в целом я считаю эти конкретные результаты незначительными и второстепенными. Итак, если я должен сказать вкратце, то своим психологическим пониманием я обязан экспериментальному методу, поэтому могу только отметить: все в этой области я считаю правильным и отчасти неопровержимым. И если меня

дополнительно спросят, дают ли эти психологические прозрения мне какую-либо точку зрения для оценки предметов изучения гуманитарных наук, то есть языка, обычаев, искусства, истории и т.д., я должен буду ответить: тому, что у меня вообще есть какое-то независимое суждение (благодаря моим непрофессиональным, но случайным и общенаучным интересам), которое касается не самих фактов, а, скорее, их общей оценки, я обязан в значительной степени психологии.

Финансирование

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы по государственному заданию РАНХиГС.

Поступила в редакцию 02 февраля 2021 г. Дата публикации: 04 марта 2021 г.

Сведения об авторах

Вильгельм Вундт. Психолог. Один из крупнейших представителей классической психологии сознания. Основатель первой психологической лаборатории.

Ссылка для цитирования

Вундт В. О психической каузальности и принципе психофизического параллелизма// Психологические исследования. 2021. Т. 14, № 75, С. 5. URL: <http://psystudy.ru>

Адрес статьи

<http://psystudy.ru/index.php/num/2021v14n75/1855-wundt75.html>

Вундт В. О психической каузальности и принципе психофизического параллелизма³

Wundt V. On mental causality and the principle of psychophysical parallelism

³ Wundt W. Über psychische Kausalität und das Prinzip des psychophysischen Parallelismus. Philosophische Studien, 1894, 10, p. 100-124. Сокращенный перевод с немецкого Н.И. Логинова.

¹Leipzig University, Leipzig, Germany

Debates on how psychology and psychological research should be, have been ongoing since the very beginning of the field. The present article written by one of the classics Wilhelm Wundt was aimed to establish psychological science as being independent and autonomous field of science. Here Wundt formulated the principles that distinguish psychological phenomena from others as well as he described specific characteristics of psychological causation compared to natural sciences. By introducing the principle of genuine activity of phenomena, the principle of creative synthesis and the principle of relative analysis Wundt consistently argued against the substitution of psychological description with physiological ones. Based on the same principles he declared that psychological subject must be established from the same psychological matter as the psyche.

Keywords: Wilhelm Wundt, mental causation, psychophysical parallelism, physical causation, methodology in psychology, causal explanation.

Funding

This article was prepared within a RANEPА research project assigned by the state.

Information about author

Wilhelm Wundt. Psychologist. One of the largest representatives of the classical psychology of consciousness. Founder of the first psychological laboratory.

To cite this article

Wundt V. On mental causality and the principle of psychophysical parallelism. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2021, Vol. 14, No. 75, p. 5. <http://psystudy.ru>